

МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВОЛГОГРАДСКАЯ АКАДЕМИЯ

СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА

**Журнал основан в 2004 г.
Выходит 4 раза в год**

№ 2 (74) 2023

FORENSIC EXAMINATION

**The journal is founded in 2004
Published 4 times a year**

Волгоград – 2023

УДК 343.131
doi: 10.25724/VAMVD.A108

**О СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЯХ
В ОЦЕНКЕ ПОНИМАЕМОСТИ СУДЕБНОГО ПЕРЕВОДА:
ЛИНГВИСТИКА И МЕМЕТИКА**

Алексей Вениаминович Винников

Институт образовательных программ, Ростов-на-Дону, Россия,
alexei.vinnikov@mail.ru

Аннотация. Оценка понимаемости перевода в судебных заседаниях и письменного перевода процессуальных документов, подлежащих обязательному вручению подозреваемому, обвиняемому, а также другим участникам уголовного судопроизводства, сталкивается с проблемой отсутствия соответствующей методологии и критериев. В целях разрешения проблемы разработана классификация языков перевода, видов непонимания текстов – условного, безусловного и притворного. Предложен способ оценки взаимной понимаемости языков с применением «зеркальных» таблиц и глоттохронологии. Притворное непонимание перевода со стороны обвиняемых и непрофессионализм судебных переводчиков являются обыденным явлением в судебно-следственной практике. Для их экспертной оценки в случаях необходимости разработаны методы опровержения притворного непонимания и указаны причины реального непонимания перевода. Изложен герменевтический и меметический подходы к технологии судебного перевода. На основании меметики перевода как адекватного инструмента, с применением математической теории нечетких множеств, показана формально-математическая модель процесса судебного перевода, состоящая из четырех уровней. Выведены формально-логические принципы методологии количественной оценки понимаемости судебного перевода. Сделанные выводы иллюстрированы примерами.

Ключевые слова: понимаемость перевода, лингвистическая экспертиза, притворное непонимание, судебный перевод, критерии понимаемости, опровержение непонимания, глоттохронологические критерии, мемы перевода, меметика судебного перевода, меметический анализ понимаемости перевода, герменевтика перевода, количественная оценка перевода, зеркальный перевод, методы оценки понимаемости перевода

Для цитирования: Винников А. В. О специальных знаниях в оценке понимаемости судебного перевода: лингвистика и меметика // Судебная экспертиза. 2023. № 2 (74). С. 83–102. doi: 10.25724/VAMVD.A108

**ON SPECIAL KNOWLEDGE IN ASSESSING
THE UNDERSTANDABILITY OF JUDICIAL TRANSLATION:
LINGUISTICS AND MEMETICS**

Alexey Veniaminovich Vinnikov

Institute of Educational Programs, Rostov-on-Don, Russia,
alexei.vinnikov@mail.ru

Abstract. The assessment of comprehensibility of translation in court hearings and the written translation of procedural documents subject to mandatory delivery to the suspect, the accused, as well as other participants in criminal proceedings, is faced with the lack of an appropriate methodology and criteria. In order to solve the problem, a classification of languages of translation, types of misunderstanding of texts have been developed – conditional, unconditional and feigned. A method for assessing the mutual intelligibility of languages using "mirror" tables and glottochronology is proposed. The feigned misunderstanding of translation by the accused and the unprofessionalism of court interpreters are common in forensic investigative practice. For their expert assessment, if necessary, methods have been developed to refute the feigned misunderstanding and the reasons for the real misunderstanding of the translation are indicated. The hermeneutic and memetic approaches to the technology of judicial translation are outlined. Based on the memetics of translation as an adequate tool, using the mathematical theory of fuzzy sets, a formal mathematical model of the judicial translation process is shown, consisting of four levels. The formal-logical principles of the methodology for quantitative assessment of the comprehensibility of judicial translation are derived. The conclusions drawn are illustrated with examples.

Keywords: comprehensibility of translation, linguistic expertise, feigned misunderstanding, judicial translation, comprehensibility criteria, refutation of misunderstanding, glottochronological criteria, translation memes, judicial translation memetics, memetic analysis of translation comprehensibility, translation hermeneutics, translation quantification, mirror translation, methods for assessing translation comprehensibility

For citation: Vinnikov A. V. On special knowledge in assessing the understandability of judicial translation: linguistics and memetics. Forensic Examination, 83–102, 2023. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.A108

Введение. Потребность в доказательстве понимаемости возникает в случае, когда у следствия или суда появляется сомнение в том, обеспечено ли понимание судебного перевода участником уголовного процесса. Общие теории перевода здесь малополезны эксперту, так как предполагают, как само собой разумеющееся, желание конечного адресата понять перевод, а также то, что он совершенно не владеет исходным языком. Постулируется также субъектность и профессионализм переводчика.

Теория ничего не знает о притворном непонимании судебного перевода со стороны обвиняемых и подсудимых, например, о симулировании цыганами непонимания диалектов цыганского языка, заявлениях жителей Дагестана, что они владеют только тем диалектом, на котором говорят в их ауле, и т. п.

В качестве переводчиков в уголовном процессе, как правило, оказываются непрофессиональные этнические носители языков. Встречается применение машинного перевода, бывает подмена языков в рамках «родственных» лингвистических групп. Эти явления объективно существуют в правовой культурной среде, встроены в нее и не могут быть отрицаемы или игнорируемы. Задача состоит в том, чтобы в рамках нормального функционирования судопроизводства предложить критерии их оценки в конкретной обстановке и в конкретный момент.

Ключевой для следствия или суда является проблема опровержения притворного непонимания перевода. На сегодня нет стандартных путей ее решения в связи с неизученностью даже самого понятия понимаемости судебного перевода с учетом всех его особенностей.

1. Критерии понимаемости. Виды непонимаемости текста. Непонимание читателем или слушателем текста перевода документов, подлежащих обязательному вручению подозреваемому, обвиняемому, а также другим участникам уголовного судопроизводства, представляет собой затруднение как для стороны защиты, так и для стороны обвинения. Для наилучшего разрешения проблемы как целого исследуем ее составные части и виды.

Понимаемостью текста назовем доступность его содержания читателю или способность текста правильно сообщать читателю содержащуюся в нем информацию. Если же речь идет о тексте перевода с одного языка на другой язык, придется воспользоваться двумя дополнительными признаками: эквивалентности и адекватности перевода.

Эквивалентность перевода определим как соответствие текста перевода цели перевода.

Адекватность перевода обозначим как сохранение при переводе смысла оригинала.

Понимаемым в таком случае считается перевод, обладающий свойствами эквивалентности и адекватности. Точно так же непонимаемый или непонятный перевод отличается противоположными качествами: неэквивалентностью и неадекватностью. Понимаемый перевод обязательно характеризуется обоими упомянутыми свойствами, а непонимаемый не обладает или обоими, или только одним из них. Соответствующий двум критериям перевод отнесем к юридически значимым и понимаемым, а несоответствующий – к юридически ничтожным. Юридически значимы письменные переводы документов тогда, когда они имеют правовую силу и могут использоваться в качестве правового аргумента.

Согласно ч. 3 ст. 18 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), «если в соответствии с настоящим Кодексом следственные и судебные документы подлежат обязательному вручению подозреваемому, обвиняемому, а также другим участникам уголовного судопроизводства, то указанные документы должны быть переведены на родной язык соответствующего участника уголовного судопроизводства или на язык, которым он владеет».

Отметим, что законодатель говорит о «языке» перевода. Здесь и кроется основная трудность правоприменения, связанная с тем, что общее определение языка как сложной понятийной знаковой системы ничего не дает практике. Если кто-либо попытается создать единую терминологию для лучшего понимания того, чем является перевод в уголовном судопроизводстве, он столкнется с множеством понятий, подпадающих под название «язык».

- По-видимому, языки можно разделить на четыре группы:
- а) государственные языки (официальные языки государственных образований, имеют этнополитическую природу);
 - б) этнические языки (национальные языки, в том числе языки малых этносов и местные диалекты);
 - в) профессиональные языки (корпоративные диалекты, насыщенные терминологией, например, медиков, юристов, иных узких специалистов);
 - г) жаргонные языки (различные тайные языки, криминальные говоры и т. п.).

Перечисленные выше группы языков в своих сочетаниях образуют еще много комбинаций классов: (б) – (а), (г) – (б), (б – в) и т. д. Можно рассмотреть, в частности, этнические государственные языки (например, английский или русский в Великобритании и России); этнические языки (например, ассирийский или курдский), не связанные с государственными образованиями, и т. д.

Углубление в классификацию языков выходит за рамки этой статьи. Формально все включенные в классификацию языки равноценны относительно буквы закона.

Тот или иной участник уголовного процесса может считать свой говор языком и настаивать на этом. Иные варианты судебного перевода будут для такого лица непонимаемыми, иногда действительно или безусловно, но часто притворно. Сложной задачей правоприменения является объективная оценка и вынесение суждения о глубоко субъективном процессе понимания или непонимания, который обычно относится скорее к области психологии, чем юриспруденции.

Случаи *притворного непонимания* языка перевода в судебной и следственной практике, в основном со стороны цыган и представителей некоторых малых народов России и стран СНГ, описаны в наших работах, посвященных конфликтологии [1] и тайным языкам [2]. Там же приведена практика судебного перевода для лиц, принадлежащих к определенному этносу, к которому относятся языки группы (б), но владеющих по необходимости и языком группы (а) государства, где они живут или гражданство которого имеют. Требование такого участника уголовного процесса представить ему процессуальные документы, переведенные на язык группы (б), представляется оправданным, а перевод на иной язык (группы (а)) – *условно непонимаемым*. Пример – перевод на сванский язык для участника уголовного процесса, гражданина Грузии (Сванетия является горной областью Грузии).

Притворное непонимание и пути его опровержения рассмотрены ниже.

Упомянем отдельно некоторых носителей языков группы (а), которые считают себя вправе просто отказаться от понимания языка перевода, понимая его фактически, если речь идет о государственном языке той страны, гражданином которой он является. Например, гражданин Румынии может требовать перевода именно на румынский, а не на молдавский язык, хотя разница между этими языками близка к символической; а гражданин Боснии – именно на боснийский, а не на сербский язык, между которыми фактически нет разницы.

В области международных отношений подобное требование справедливо, в уголовном процессе его можно отнести к притворному непониманию. Перевод на фактически понимаемый язык следует признать *эквивалентным* и юридически значимым.

В результате выяснено, что непонимаемость текста перевода, как противоположность понимаемости, бывает трех видов: *безусловная, условная и притворная*. Непонимаемые переводы первых двух видов юридически ничтожны, а переводы третьего вида юридически значимы.

Принятие решения о том, к какому из трех видов относится конкретный перевод, возможно только экспертным путем. Примеры экспертных исследований понимаемости судебных переводов приводятся в дальнейшем как частные доказательства справедливости общих положений.

Установив, таким образом, критерии, можно перейти к разбору соответствия им судебного перевода, выполненного:

- машинным способом;
- переводчиком иного сходного по происхождению языка;
- лично переводчиком надлежащего языка.

Если перевод сделан добросовестным переводчиком, вполне владеющим необходимым языком (третий способ), он должен быть признан адекватным, эквивалентным и понимаемым.

Напротив, в случаях применения первых двух способов – машинного перевода и перевода на иной язык возникают сомнения относительно понимаемости. Эти случаи относятся к компетенции экспертизы и рассмотрены ниже. Поскольку исследование понимаемости перевода касается языка, экспертиза называется лингвистической.

2. Понимаемость и субъектность машинного судебного перевода. Машинный перевод является одной из прикладных функций искусственного интеллекта. Проблемы машинного перевода сводятся к трем задачам моделирования естественных свойств живого языка: многозначности, синтаксических трансформаций, фразеологических сочетаний. Приблизиться к решению этих задач никому до настоящего времени не удавалось.

Затруднения машинной интерпретации и перевода текста восходят к трудности машинного воспроизведения самого человеческого бытия, поскольку язык – это всего лишь его вербальное отражение или, как полагают некоторые, вид человеческой деятельности. По мнению одного из отцов теории машинного перевода Н. Хомского, «язык – это вырвавшееся наружу мышление» [3]. Национальные различия людей отражаются в их языке. Некоторые даже считают язык чем-то первичным или причиной, а особенности этноса – следствием или чем-то вторичным. Однако для практики исследование этого вопроса значения не имеет. Поскольку возможности машины еще далеки от человеческих возможностей, нельзя ожидать ни сейчас, ни в обозримом будущем хорошего владения языком со стороны какого-либо искусственно созданного устройства. Пока что машина (электронное устройство) переводит слова (морфемы речи), а не смысл текста.

Сказанное выше в полной мере относится к Google Translate – веб-службе компании Google, предназначенной для автоматического перевода текста на другой язык. Этот инструмент может иногда помочь читателю понять общий смысл содержания текста на иностранном языке, но не предоставляет точных переводов. Google Translate предлагает перевод с любого поддерживаемого языка на любой поддерживаемый, но в большинстве случаев реально выполняет перевод через английский язык. Качество перевода от этого сильно страдает, поскольку смысл оригинала часто искажается до неузнаваемости.

В качестве иллюстрации приведем пример из практики. В рамках экспертизы исследован перевод обвинительного заключения с русского языка на таджикский. Перевод вручен обвиняемому по уголовному делу, но тот заявил о непонимании содержания документа. Заслуживающий доверия переводчик отметил ряд несоответствий. Русское слово «тайник» переведено на таджикский язык как «кэш», что означает «временные файлы или копии файлов и данных, сохраненные в памяти компьютера». Правильный перевод – «чои пинхонӣ». Словосочетание «в крупном размере» вместо правильного «миқдори калон» переведено как «миқёси васеъ», что означает «широкий масштаб». Словосочетание «для удобства продажи» вместо правильного «барои фурӯши кулай» переведено как «барои роҳати фурӯш», что означает «для удовольствия продажи».

Произвольно выбранные фрагменты текста оригинала обвинительного заключения были подвергнуты машинному переводу на таджикский язык на сайте <https://translate.google.com/tj/>. Совпадение текстов составило 99 %, что указывает на перевод машинным способом по технологии Google Translate. Сравнительный анализ машинного перевода и правильного перевода переводчиком таджикского языка проведен предложенным нами зеркальным табличным способом. Фрагмент анализа представлен в таблице 1.

Таблица 1

Зеркальный сравнительный анализ машинного и ручного перевода обвинительного заключения

Текст оригинала на русском языке	Текст правильного перевода на таджикский язык	Представленный для исследования спорный перевод на таджикский язык	Обратный перевод текста спорного перевода на русский язык
«...зная, что наркотические средства запрещены в свободном обороте на территории Российской Федерации, из корыстных побуждений и для удовлетворения своих материальных потребностей, имея прямой, корыстный умысел, направленный на незаконный сбыт наркотических средств...»	«...баралло медонист, ки воситаҳои нашъадор дар қаламравӣ Федерацияи Россия дар муомилоти озодманъ карда шудааст, аз мақсади ғаразнок ва барои қонеъ намудани талаботи моддии худ, қасди бевосита, ғаразнокӣ ба фурӯши ғайриқонунии воситаҳои нашъадор...»	«...ки доруҳо дар қаламрави Федератсияи Россия дар муомилоти озод бо мақсади ғаразнок ва қонеъ кардани ниёзҳои моддии онҳо, бо қасди мустақим, ғаразнокӣ ба фурӯши ғайриқонунии...»	«...зная, что наркотики на территории Российской Федерации находятся в свободном обращении, в целях эгоизма и удовлетворения своих материальных потребностей, с прямым, корыстным намерением сбыта незаконно...»

Обратный перевод в столбце 4 принят за показатель качества перевода текста оригинала, приведенного в столбце 1, и он не адекватен оригиналу. В столбце 2 представлен текст правильного перевода.

Машинный перевод также не может считаться эквивалентным по той причине, что он выполняется без участия субъекта, в то время как закон признает переводчиком только человека. В соответствии с ч. 1 ст. 59 УПК РФ «переводчик – лицо, привлекаемое к участию в уголовном судопроизводстве в случаях, предусмотренных настоящим Кодексом, свободно владеющее языком, знание которого необходимо для перевода».

Здесь говорится именно о лице, т. е. субъекте правоотношений, но не о каком-либо программном продукте. Отсутствие переводчика как субъекта права само по себе делает машинный перевод юридически ничтожным.

Изложенное показывает, что применение способа машинного перевода, в частности Google Translate, приводит к *неадекватности* и *неэквивалентности* перевода процессуальных документов, подлежащих обязательному вручению подозреваемому, обвиняемому, а также другим участникам уголовного судопроизводства.

3. Понимаемость перевода с подменой на «близкие» языки. Большое количество современных языков происходит от общих лингвистических прародителей. Например, романские европейские языки – румынский, итальянский, французский, испанский – являются родственными, ведут свое происхождение от древнеримского латинского языка и близки к латыни. Но ведь никому не придет в голову предлагать обвиняемому французу перевод обвинительного заключения на итальянском языке! Украинский и русский языки еще ближе друг к другу. Тем не менее в уголовном процессе по делу украинки Н. Савченко, проходившем в 2016 г. в г. Донецке Ростовской области, подсудимой был предоставлен переводчик для устного перевода на украинский язык, и необходимые процессуальные документы также письменно переведены на украинский. Очень похожи друг на друга языки бывшей Югославии – черногорский, сербский, хорватский, боснийский, словенский. Но запросы о правовой помощи, например в Черногорию, отсылаются не на сербском, а исключительно на черногорском языке с учетом всех его отличий, хотя и номинальных, от сербского языка. Перевод на корейский язык, сделанный переводчиком из Южной Кореи, не будет принят властями Северной Кореи: язык не тот. Последние примеры к процессуальным отношениям не относятся, но иллюстрируют сущность проблемы.

Однако не подлежит сомнению то, что общие по происхождению языки и даже языки одного этноса, разделенные политически, могут быть взаимно непонимаемы – безусловно, условно и притворно.

Условное и притворное непонимание читателем текста перевода документов, подлежащих обязательному вручению подозреваемому, обвиняемому, а также другим участникам уголовного судопроизводства, кратко рассмотрено нами выше. Но и *безусловная взаимная непонимаемость* общих по происхождению языков наблюдается очень часто. Языки не похожи друг на друга тем больше, чем раньше они исторически разошлись, если принять за истину теорию дивергенции. Рассмотрим это на примере из нашей экспертной практики относительно языков таджикского и дари. Они появились в результате дивергенции в XV–XVI вв.

из классического персидского языка [4], далее каждый стал развиваться своим путем, на определенных периодах истории даже теряя контакт друг с другом, а их носители были разделены политическими границами. Дари распространился в Афганистане, а таджикский – сначала на территории Таджикистана, ранее входившего в состав СССР, а затем в Иране и Афганистане. Дивергенция языков таджикского и дари по времени приблизительно та же, что и русского и украинского, татарского и башкирского, узбекского и уйгурского (500–600 лет). Различия между языками пропорциональны времени их дивергенции. Отсюда следует, что расхождений между языками таджикским и дари не меньше, чем например, между русским и украинским языками.

Лексические отличия родственных языков таджикского и дари приведены в таблице 2, полученной в результате преобразования данных списка Сводеша по группе языков персидского происхождения, сформированной А. Ю. Фоминым [4].

Таблица 2

Различия между таджикским языком и языком дари

Таджикский	Дари	Транскрипция дари	Русский
якчанд	چند	чанд	несколько
калон	بزرگ	бузург	большой
ғафс	چاق	чоқ	толстый
тунук	نازک	назук	тонкий
ҳайвони қонвар	وحشی حیوان	ваҳши	животное
беша	جنگل	джангал	лес
реша	بيخ	бех	корень
чунки	چونکه	зероки	потому что
соф	صاف	хамвор	гладкий, ровный
чиркин	چرک	чирк	грязный
хуб	خوب	нағз	хороший, добрый
кӯҳна	پير	пир	старый
сӯхтан	سوزاندن	сӯзондан	жечь
туман	غبار	ғубор	туман
чанг	خاک	хок	пыль
рӯд	دريا	дарё	река

Таджикский	Дари	Транскрипция дари	Русский
равон шудан	بودن جارى	ч ори будан	течь
шиновар	بودن شناور	шудан будан	плыть
сурудан	خواندن	хондан	петь
кашидан	کردن كاش	каш кардан	тянуть
доштан	گرفتن	гирифтан	держать
чархидан	دادن دور	давр додан	поворачивать
дароз кашидан	افتادن	афтодан	лежать
роҳ рафтган	رفتن راه	гаштан	ходить, идти
аргамчин	ريسمان	рисмон	веревка
газидан	گزيدن	гирифтан	кусать
макидан	چوشيدن	чӯшидан	сосать
пуф кардан	وزيدن	вазидан	дуть

Из данных таблицы 2 видно, что исследуемые языки имеют два важных отличия:
 – шрифт: в таджикском применена кириллица, а в дари – арабский (персидский) шрифт;
 – семантика и фонетика: разные по написанию и звучанию переводы слов русского языка.

Аналогичный анализ с тем же результатом возможно проводить в отношении языковых пар фарси – дари и фарси – таджикский.

Таким образом, близкие по происхождению языки могут быть не только условно, но и безусловно взаимно непонимаемы, и подмена перевода на один язык переводом на родственный язык недопустима. Если такое все же происходит, то переводчик, не владеющий надлежащим языком, совершает правонарушение. На нем лежит ответственность за несоблюдение требований ст. 59 УПК РФ: «переводчик – лицо, привлекаемое к участию в уголовном судопроизводстве в случаях, предусмотренных настоящим Кодексом, свободно владеющее языком, знание которого необходимо для перевода» (ч. 1); «переводчик не вправе осуществлять заведомо неправильный перевод» (п. 1 ч. 4).

Из вышесказанного ясно, что перевод по второму способу: сделанный переводчиком ненадлежащего языка – является юридически ничтожным.

И, наконец, если речь идет о переводе не на язык, а на диалект языка, правомерно будет считать перевод на официально признанный язык адекватным и эквивалентным, а его непонимание – притворным.

Если распространить показанный выше так называемый глоттохронологический метод на другие языки перевода, получим вполне приемлемый для экспертной практики критериальный результат. Небольшой пример этого подхода к решению вопроса приведен в таблице 3.

Таблица 3

Период дивергенции близких по происхождению языков как критерий их взаимной понимаемости и возможности подмены в судебном переводе

Пара языков	Период дивергенции (расхождения) языков	Взаимная понимаемость и допустимость подмены
Русский – украинский	5–6 веков	Ограниченная. Подмена недопустима
Таджикский – дари	5–6 веков	Ограниченная. Подмена недопустима
Таджикский – фарси	5–6 веков	Ограниченная. Подмена недопустима
Румынский – молдавский	Менее 1 века	Полная. Подмена допустима
Северокорейский – южнокорейский	Менее 1 века	Полная. Подмена допустима
Русский – польский	10 веков	Нет. Подмена недопустима
Русский – болгарский	10 веков	Нет. Подмена недопустима

Используя глоттохронологический метод по образцу из таблицы 3, желающий может значительно расширить критериальную базу языковых пар в целях лингвистической экспертизы взаимной понимаемости языков в зависимости от периода их дивергенции.

4. Опровержение притворного непонимания перевода. Количественная оценка понимаемости. Опровержение заявлений о непонимании судебного перевода тем или иным участником уголовного процесса в случае притворного непонимания представляет собой значительную трудность и заслуживает отдельного рассмотрения.

Судебный перевод имеет дело с профессиональным *юридическим* языком, соответствующим группе языков (в) из перечня, приведенного выше. В нем можно различать:

X – язык юридической дескрипции, относящийся к писаным нормативным текстам – законам, правилам, контрактам, договорам и т. п.;

Y – язык юридической прескрипции, на котором пишутся судебные решения и приговоры, заявления, ходатайства, жалобы и иные документы судебно-административной практики;

Z – язык судебно-следственной практики, включающий любые коммуникации в судебных заседаниях, полицейской и административной деятельности; в нем сочетаются юридические языки X и Y.

К функциям судебного переводчика относятся:

1. Помощь судье, следователю, дознавателю в проведении процессуальных действий без языковых барьеров.

2. Обеспечение соблюдения права обвиняемого знать, в чем он обвиняется, в соответствии со ст. 47 УПК РФ.

3. Выполнение посреднической роли в коммуникации между участниками процессуального действия для обеспечения взаимного понимания между ними с использованием специальной лексики и идиоматики в рамках юридического языка (Y).

В условиях реального судопроизводства в России и полного отсутствия института судебных переводчиков идеальное исполнение условия (3) невозможно. Переводчику никогда не предъявляются требования к владению именно специальным языком категории Y ни на уровне исходного языка, ни на уровне целевого языка. Тем не менее цель переводчика как коммуникатора обеспечивается, и это даже является мировой практикой, нисколько не мешающей отправлению правосудия [5]. Действуя в рамках прагматического принципа разумной достаточности, судебный переводчик, который чаще всего владеет исходным и целевым языками на быденном уровне, учитывает и сочетает вербальные и невербальные инструменты, ситуационные маркеры и неявную информацию, с тем чтобы выполнить *понятийный переход* не только с одного языка на другой, но и от одной социокультурной среды к другой. В этом смысле судебный перевод предполагает интерпретацию понятийного аппарата одной правовой системы в терминах другой с целью обеспечения понимаемости исходного текста – устного или письменного – носителем иной культуры и языка. Такая интерпретация или толкование выступает предметом герменевтики перевода.

Герменевтика в широком смысле означает перевод, объяснение, выражение, толкование или интерпретацию текста, возможность отнесения знака к его назначению с целью достижения понимания. Обращаясь к понятию толкования, в том числе переводческому толкованию в судебном переводе, уместно вспомнить теорию Шлейермахера, который определяет его как «учение об искусстве понимания» письменных и речевых текстов вообще. Шлейермахер различает «объективное» (или «грамматическое») истолкование и «техническое» (или «психологическое») [6]. Грамматическое истолкование анализирует текст как часть определенной лексической системы, психологическое же – индивидуальный стиль, т. е. комбинации выражений, не заданные лексической системой [7]. Второй вид истолкования, как представляется, может компенсировать частичную или полную

невозможность реализации первого вида истолкования, например, вследствие недостаточного владения судебным переводчиком лексикой специального языка категории У, что наблюдается в практике судебного перевода в России. При этом создается уникальный в данной ситуации информационный продукт, предназначенный, по выражению Пэпке и Форгета [7], для воспроизведения в сознании конечного реципиента «скрытых сущностей». Последние можно назвать идеями, единицами информации, понятиями и т. п. В результате добросовестный реципиент (в нашем случае участник уголовного процесса) воспринимает семиотически эквивалентные самовоспроизводящиеся комплексные лексические и нелексические значения, обеспечивающие ему достаточное понимание переведенного текста.

Полезный вывод из сказанного состоит в том, что если заявляющий о непонимании перевода человек родился, учился или достаточно долго живет и работает в России, его можно признать участником уголовного судопроизводства, *недостаточно владеющим* языком, на котором ведется производство по уголовному делу, в соответствии с п. 2 ст. 18 УПК РФ. Добросовестный переводчик, который выполняет перевод лично на надлежащий язык, обязательно владеет обоими видами истолкования перевода, грамматическим и психологическим, и предоставляет такому лицу достаточно невербальных и вербальных средств на его родном языке, с тем чтобы обеспечить *полное понимание* того, в чем его обвиняют.

5. Меметическая предпосылка количественной оценки понимаемости перевода. Упомянутые выше теоретические подходы к акту перевода, в том числе судебного, позволяют выделить три основополагающих принципа:

1. Центральная роль понимания и понимаемости перевода.
2. Существование невербальных и вербальных лексических и нелексических средств перевода.
3. Трансляция в тексте перевода в сознание реципиента (в нашем случае участника уголовного или иного процесса) некоторых «скрытых сущностей». Последние можно назвать идеями, единицами информации, понятиями и т. п.

Судебный перевод в свете сформулированной выше парадигмы в составе трех принципов рассматривается как двуязычная деятельность по созданию понятий в сознании получателей информации – участников уголовного процесса на целевом языке вне смысловых реплик, поскольку смысловые единицы могут восприниматься как самовоспроизводящиеся комплексные лексические и нелексические значения. Критерием качества такого перевода является семиотическая (знаковая) эквивалентность. Подобная трактовка ведет к более близкой к практике системе взглядов, называемой меметикой судебного перевода.

Термин «мем» (англ. meme [mi:m]) происходит от греческого «мимеме» (имитация) и определяет единицу культурной передачи или единицу репликации (воспроизведения). Подобно генам, мемы имеют свою среду обитания, условия распространения и выживания сильнейшего и самого приспособленного. Понятие мема введено Ричардом Докинзом. Он впервые назвал мемом имитационный «ген» в книге «Эгоистичный ген» [8] и указал на то, что мем – единица культурной трансляции или репликатор культуры, а также «имитационная единица». Мемом является любая идея, символ, манера, ситуация или образ действия, осознанно или неосознанно передаваемые от человека к человеку посредством речи, письма, видео, ритуалов, жестов и т. д.

Общие примеры мемов – мелодии, идеи, ходячие выражения, фасоны одежды, способы изготовления чего-либо и т. д. Подобно генам, мемы распространяются среди пула (множества) мемов, передаваясь от одного мозга к другому в процессе того, что можно назвать имитацией, путем репликации, как гены, иногда мутируя или подвергаясь селекции.

Согласно меметике человек – это довольно эффективная машина по распространению мемов, которые стремятся к дарвиновскому завоеванию жизненного пространства и выживанию. Конечно, мемы передаются и при переводе с одного языка на другой. По сути, в этом весь перевод: перемещение мемов из одного места в другое при обеспечении им безопасного перехода культурных границ.

Некоторые мемы распространяются, а значит, выживают лучше других, если легко запоминаются, полезны, эмоциональны. Некоторые мемы склонны проявляться совместно с другими в группах. Примеры таких групп – языки, религии, идеологии, научные теории.

С точки зрения успешности их распространения по типу генетической передачи мемы делятся на две категории: сильные и слабые. «Пул мемов» означает совокупность или собрание различных мемов, содержащихся в одной и той же среде, такой как общество, культура или язык, контекст. Комплексный мем – сокращенная форма «мема общей адаптации» по Докинзу – группа мемов, которые могут действовать вместе и дополнять друг друга подобно генам. До определенной степени само слово выступает языковым комплексом мемов, состоящим из синтаксического мема, семантического мема и прагматического мема. Поскольку культура есть суперпул (группа) мемов, то и перевод, в частности судебный как часть культуры, тоже пул мемов. Это обстоятельство отмечено Эндрю Честерманом в работе «Мемы перевода» [9].

Передача мемов нуждается в носителях, таких как язык, и субъектах-хостах (например, читатель или переводчик). Они включены в приведенную на рисунке четырехуровневую модель механизма репликации и жизненного цикла мемов судебного перевода, предложенную Ф. Хейлигеном [10].

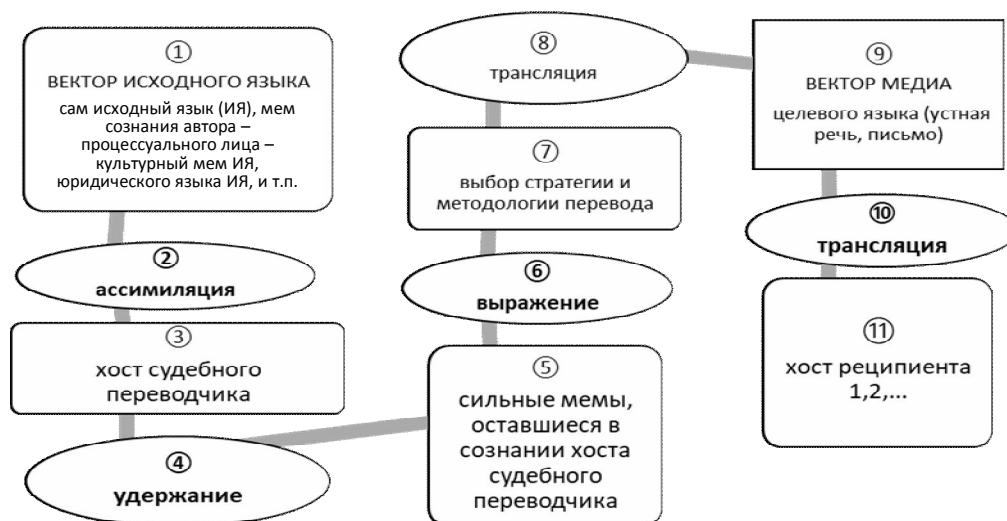

Рис. Четырехуровневый процесс перевода

На уровне ассимиляции (блок 2 рисунка) хост судебного переводчика воспринимает пул мемов исходного языка. Этот язык в нашем случае включает пул мемов культуры исходного языка и пул мемов юридического языка (блок 1 рисунка).

Вслед за И. В. Арнольдом [11] состав исходного языка можно выразить средствами теории множеств – части математической логики. Такой подход тем более оправдан, что меметика сродни генетике, в которой теория множеств давно и успешно применяется. В данном случае речь идет о теории нечетких множеств нестрогой математики, или математики здравого смысла (называемой еще теорией лингвистических переменных), исходящей из неформальных суждений и умозаключений эксперта, обладающего необходимыми специальными знаниями и навыками.

На уровне удержания (блок 4 рисунка) мемы, поступившие в хост судебного переводчика (блок 3 рисунка), усваиваются переводчиком. Но, как известно, последний часто владеет только обыденным языком из множества Z (если язык Z – множество мемов). Поскольку само слово тоже мем, то трансляция в хост судебного переводчика в этом случае должна происходить нелексическим путем за счет прагматической части слова вектора исходного языка. Компенсаторный механизм репликации мемов исходного языка (блок 1 рисунка) множества Y становится понятен, если иметь в виду классификацию силы мемов, предложенную Ф. Хейлигеном (табл. 4).

Нетрудно заметить, что мемы множества B на уровнях ассимиляции и удержания соответствуют критериям всех уровней, за исключением одного – прозелитизма на уровне 4. Однако это допускал и сам Ф. Хейлиген, считая достаточным для сильного мема его соответствие всего лишь 3–5 критериям из приведенных в таблице 4.

Таблица 4

Критерии силы мемов для четырех уровней перевода по Ф. Хейлигену

№ п/п	Уровень	Объект	Субъект	Между субъектами	Мем сам по себе
1.	Ассимиляция	Четкость	Новизна	Авторитетность	Самодостаточность
2.	Удержание	Инвариантность	Простота	Формализованность	Независимость
3.	Выражение	Контролируемость	Соответствие	Соответствие	Категоричность
4.	Передача	–	Соответствие Полезность	Выразительность Публичность	Прозелитизм

Э. Честерман называет сильные мемы супермемами. Они обладают исключительной жизнеспособностью и доминантностью среди прочих компонентов пула мемов. Честерман также полагает, что перевод не является равенством $A \neq A'$ и трансфером $A \Rightarrow B$, но представляет собой сложение компонентов

$A \Rightarrow A + A'$, где A – мем на исходном языке, A' – мем на целевом языке, а B – перенесенный из исходного языка в целевой язык мем A [12]. Множество A' явно отражает качество перевода.

Сильные мемы проходят через блоки 5 ... 10 на рисунке и поступают в блок 11 хоста реципиента – участника или участников уголовного процесса, которым предназначен перевод.

В таблице 5 дана выдержка из стенограммы устного перевода с русского языка на таджикский в судебном заседании. Сравнение речи судьи и речи переводчика показывает сильные мемы или супермемы, воспринятые, удержанные хостом (сознанием) переводчика, а затем выраженные им в новой форме и переданные реципиенту, и слабые мемы, которые не восприняты и не распространены переводчиком. Учитывая владение обвиняемым (хотя и несовершенно) русским языком, отметим, что перевод, сделанный этническим таджиком, не нарушает законного права обвиняемого знать, в чем он обвиняется.

Характерное для судебного перевода явление притворного непонимания проявляется в хосте реципиента (блок 11 рисунка). Рассмотрим хост реципиента (подследственного, подсудимого и т. п.). В нем переданные читателю или слушателю переводчиком мемы суммируются с мемом притворного непонимания A'' : $A \Rightarrow A + A' + A''$. Мем A'' негативного социального поведения адресатов перевода (реципиентов) относится к категории «злых» или вредных [13]. Тем не менее нет оснований сомневаться в его существовании и успешном распространении между индивидами.

Меметический подход, в сущности, является инструментальным. Он открывает широкие возможности формализации и математического моделирования перевода с помощью мощного аппарата математической генетики [14]. Эта важнейшая перспектива ждет своих исследователей. А в нашем частном случае меметика способна моделировать процесс судебного перевода, отражая его особенности.

Нечеткие множества A' и A'' , входящие в хост реципиента (блок 11 рисунка), выражают характеристики перевода, подлежащие экспертной оценке через лингвистические переменные. В сочетании с ними нечеткое множество можно записать в виде четкого множества, используя дополнительный параметр – степень принадлежности. Тогда экспертная оценка записывается в цифровом виде. В лингвистическом измерении множества A' перевода могут иметь характеристики «неудовлетворительный», «удовлетворительный», «хороший», «отличный». В то же время эксперт оценивает содержание в переводе так называемых сильных мемов и т. п. У множества мемов A'' (притворное непонимание) только две характеристики, например, «отмечается» или «не отмечается», тогда $A'' = \{0, 1\}$. В цифровом выражении, если принять за идеал качества четкое множество H , показатели A'/H степени принадлежности N для оценки экспертом качества перевода отражаются в таблице 6.

Таблица 5

Пример трансляции мемов в судебном переводе

Речь судьи	Речь переводчика в обратном переводе на русский язык	Сильные мемы	Транспируемая «скрытая сущность»
Решение может быть обжаловано в течение трех суток со дня непосредственно получения обвиняемым решения постановления	Обвиняемый вправе в течение трех суток подать на него замечание. Можете спустя три дня после получения постановления это написать	Обвиняемый, трое суток, замечание	Возможность жалобы
Подсудимый, вы имеете право знать, в чем вы обвиняетесь, возражать против обвинения, давать показания по предъявленному вам обвинению либо отказаться от дачи показаний в отношении себя и своих родственников, круг которых определен законом. При согласии дать показания вам разъясняется, что ваши показания могут быть использованы в качестве доказательств по уголовному делу. Вам понятны ваши права?	Вы можете узнать свое обвинение, отвечать на вопросы, не отвечать на вопросы, не обвинять своих родственников, ваши слова можно использовать для доказательства вины. Вам все понятно?	Обвинение, отказ от ответов, вина, доказательства вины, обвинение родственников. Понятно. Права	Обвинение, отказ, родственники, знать. Понимание
В случае пропусков указанных сроков сроки могут быть восстановлены при предоставлении уважительности пропуска сроков	Если вы не успели вовремя, то вы должны назвать причину, почему не смогли	Не успели. Назвать причину	Опоздание. Причина

Таблица 6

Оценка судебного перевода по показателю A'

Сравнительные оценки значимости N	Интерпретация оценок значимости выражения A'/H	Трактовка показателя
0	Несравнимая (нет смысла сравнивать)	Перевод условно непонимаем
1	Одинаковая значимость	Отличный перевод
3	Слабая значимость (нет доказательств предпочтения H/A')	Перевод очень хороший
5	Существенная значимость (существенные признаки предпочтения H/A')	Перевод удовлетворителен
7	Очевидная значимость (убедительные доказательства предпочтения H/A')	Перевод почти удовлетворителен (плохой)
9	Абсолютная значимость (максимальная значимость предпочтения H/A')	Перевод неудовлетворителен, непонимаем безусловно
2, 4, 6, 8	Промежуточные оценки	Оценки с наречиями меры и степени по усмотрению эксперта («почти», «весьма», «частично», «недостаточно» и т. п.)

Если дополнить хост реципиента (блок 11 рисунка) еще одним двузначным множеством мемов $A''' = \{0,1\}$, соответствующим альтернативе «не владеет языком судопроизводства» и «недостаточно владеет языком судопроизводства», то выражение процесса судебного перевода изменится: $A \Rightarrow A + A' + A'' + A'''$. Обозначим переменную понимаемости перевода L и сделаем ее двузначной: $L = \{0,1\}$. Перевод признается понимаемым ($L = 1$), например, если $N = 5$, $A''' = 1$ и т. д.

Меметический подход, как представляется, выступает перспективным направлением разработки количественной экспертной оценки и моделирования понимаемости судебного перевода. Данный расчетный метод анализа технологии и понимаемости судебного перевода можно углублять и совершенствовать. Тогда достаточно рутинная практика опровержения притворного непонимания судебного перевода найдет простой и рутинный механизм решения этого вопроса. Но данная задача выходит далеко за рамки настоящего исследования.

Выводы:

1. Лингвистическая экспертиза понимаемости текста перевода документов, подлежащих обязательному вручению подозреваемому, обвиняемому, а также другим участникам уголовного судопроизводства, оценивает адекватность и эквивалентность перевода; возможность безусловного, условного или притворного непонимания перевода; соответствие перевода требованиям УПК РФ.
2. Машинный перевод текстов процессуальных документов недопустим по закону и является непонимаемым безусловно.
3. Перевод, сделанный переводчиком родственного, но ненадлежащего языка, не эквивалентен и юридически ничтожен.
4. Центральным элементом понимаемости судебного перевода является возможность трансляции переводчиком понятий или «скрытых сущностей» переводимого текста.
5. Меметика судебного перевода – эффективный инструмент описания трансляции понятий между субъектами – участниками уголовного процесса; она дает важную возможность формально-математического моделирования перевода.
6. Критериями понимаемости судебного перевода для его лингвистической экспертизы могут служить метод «зеркальных таблиц», глоттохронологические критерии, а также количественные оценки, полученные в рамках прикладной теории меметики перевода.

Список источников

1. Винников А. В., Назаренко С. А. Конфликтология перевода в уголовном процессе и официального перевода документов // *Полицейская деятельность*. 2014. № 4. С. 43–50.
2. Винников А. В. Тайные языки. Отношение к власти // *Вестник Ростовского государственного экономического университета (РИНХ)*. 2012. № 4 (64). С. 41–47.
3. Хомский Н., Миллер Дж. Введение в формальный анализ естественных языков. Москва: Едиториал УРСС, 2003. 64 с.
4. Фомин А. Ю. Глоттохронологическое исследование дивергенции таджикского, дари и персидского языков. Душанбе: Изд-во РТСУ, 2011. 34 с.
5. Винников А. В. Судебный и полицейский перевод: уроки мировой практики // *Вестник Сибирского юридического института ФСКН России*. 2013. № 1 (12). С. 114–123.
6. Шлейермахер Ф. Герменевтика / пер. с нем. А. Л. Вольского; науч. ред. Н. О. Гучинской. Санкт-Петербург: Европ. дом, 2004. 242 с.
7. Raepcke F., Forget Ph. Textverstehen und Übersetzen = Ouvertures sur la traduction. Julius Groos Verlag Heideiberg, 1981. Bd. 2; 1982. Bd. 2a.
8. Докинз Р. Эгоистичный ген / пер. с англ. Н. Фоминой. Москва: АСТ: CORPUS, 2013. 512 с.
9. Chesterman M. Memetics and translation studies. URL: https://openaccess.nhh.no/nhh-xmlui/bitstream/handle/11250/2406051/Chesterman_5_2000_%20Memetics%20and%20TS.pdf?sequence=1&isAllowed=y (date of access: 04.04.2023).
10. Heylighen F. What makes a meme successful? Selection criteria for cultural evolution // *Proceedings of the 15th International congress on cybernetics / Association Internationale de Cybernétique*. Namur, 1999. P. 418–423.

11. Арнольд И. В. Основы научных исследований в лингвистике: учеб. пособие. Москва: Высш. шк., 1991. 140 с.
12. Chesterman A. Memes of translation: the spread of ideas in translation theory. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 1997. 227 p.
13. Xianze Wu, Hui Chen. On social behavior from the perspective of meme // Advances in social science, education and humanities research: proceedings of the 7th Annual International conference on social science and contemporary humanity development (Nanjing, China, 26–28 November 2021). Atlantis Press, 2021. P. 379–382.
14. Свирежев Ю. М., Пасеков В. П. Основы математической генетики. Москва: Наука. Гл. ред. физ.-мат. лит., 1982. 512 с.

References

1. Vinnikov A. V., Nazarenko S. A. Conflictology of translation in criminal proceedings and official translation of documents. Police activity, 43–50, 2014. (In Russ.).
2. Vinnikov A. V. Secret languages. Attitude towards power. Bulletin of the Rostov State Economic University (RINH), 41–47, 2012. (In Russ.).
3. Chomsky N., Miller J. Introduction to the formal analysis of natural languages. Moscow: Editorial URSS; 2003: 64. (In Russ.).
4. Fomin A. Yu. Glottochronological study of the divergence of the Tajik, Dari and Persian languages. Dushanbe: RTSU Publishing House; 2011: 34. (In Russ.).
5. Vinnikov A. V. Judicial and police translation: lessons from world practice. Bulletin of the Siberian Law Institute of the Federal Drug Control Service of Russia, 114–123, 2013. (In Russ.).
6. Schleiermacher F. Hermeneutics. Transl. from dt. by A. L. Volsky. Sci. ed. by N. O. Guchinskaya. Saint Petersburg: European House; 2004: 242. (In Russ.).
7. Paepcke F., Forget Ph. Textverstehen und Übersetzen = Ouvertures sur la traduction. Julius Groos Verlag Heideiberg; 1981. Bd. 2; 1982. Bd. 2a. (In dt.).
8. Dawkins R. Selfish gene. Transl. from English N. Fomina. Moscow: AST: CORPUS; 2013: 512. (In Russ.).
9. Chesterman M. Memetics and translation studies. Available from: https://openaccess.nhh.no/nhh-xmlui/bitstream/handle/11250/2406051/Chesterman_5_2000_%20Memetics%20and%20TS.pdf?sequence=1&isAllowed=y. Accessed: 4 April 2023. (In Eng.).
10. Heylighen F. What makes a meme successful? Selection criteria for cultural evolution. In: Proceedings of the 15th International congress on cybernetics. Association Internationale de Cybernétique. Namur; 1999: 418–423. (In Eng.).
11. Arnold I. V. Fundamentals of scientific research in linguistics. Textbook. Moscow: Higher school; 1991: 140. (In Russ.).
12. Chesterman A. Memes of translation: the spread of ideas in translation theory. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company; 1997: 227. (In Eng.).
13. Xianze Wu, Hui Chen. On social behavior from the perspective of meme. In: Advances in social science, education and humanities research: proceedings of the 7th Annual International conference on social science and contemporary humanity development, Nanjing, China, 26–28 November 2021. Atlantis Press; 2021: 379–382. (In Eng.).
14. Svirezhev Yu. M., Pasekov V. P. Fundamentals of mathematical genetics. Moscow Science. Main ed. of phys. and math. lit.; 1982: 512. (In Russ.).

Винников Алексей Вениаминович,
директор Института образовательных программ,
кандидат технических наук;
alexei.vinnikov@mail.ru

Vinnikov Alexey Veniaminovich,
director of the Institute of Educational Programs,
candidate of technical sciences;
alexei.vinnikov@mail.ru

Статья поступила в редакцию 07.04.2023; одобрена после рецензирования 17.04.2023; принята к публикации 12.05.2023.

The article was submitted 07.04.2023; approved after reviewing 17.04.2023; accepted for publication 12.05.2023.

* * *